

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ЛЕНИНЦА

Жизнь
детей

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

ВСЕ ЗА ОДНОГО

Рассказ

И-816
AB

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ“

1962, 1960

9 AB

80171—93—32

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ЛЕНИНЦА

№ 117

2.ч. 4103

Серия—Пионерская беллетристика

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

И-816

ВСЕ ЗА ОДНОГО

Из серии рассказов об обычаях

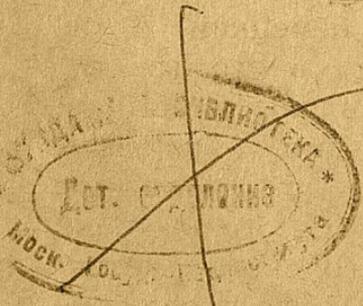
Б
И-816 АВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ“
Харьков — 1926

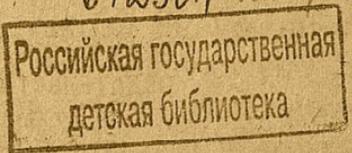
~~19078~~

Укрлавлит 82. г. Бердянск. Типография им. «1-го мая». 1103-26-7500.

672504 кк-рег

ВСЕ ЗА ОДНОГО

Пионер трудолюбив и настойчив, умеет работать коллективом при любых условиях, находит выход при всех обстоятельствах.

I.

Мишка Славин сидит над книгой и ерошит свои остриженные ежиком волосы. В соседней комнате мать моет посуду, стараясь не слишком греметь тарелками:

— Мишка занимается.

Занимается Мишка уже около двух часов и за эти два часа успел проглотить несколько страниц обществоведения, пару глав по литературе и добрых полторы страницы немецкого рассказа.

И обществоведение, и немецкий, и литература хорошо уложились в его голове. Память у Мишки хорошая, и способности не плохие. Запоминает он читанное почти с одного раза, на уроках с полслова ловит то, что говорит учитель. Одна беда только — не долго все это в Мишкиной голове держится. Зады повторять Мишка не любит. К раз прочитанному не вернется; раз слышанное второй раз слушать не хочет. Выученное вчера не связывает с тем, что учит сегодня, и кроме того, что в книге написано, ничего знать

не хочет. Другие ребята и в библиотеку за книгами ходят и в кружках работают, — а Мишка так просто — запоминает на два дня и ладно. Коли надо работу делать, или сочинение написать — просмотрит бегло, перелистает листы наскоро и все тут. Опять на пару дней.

На беду дошло дело до математики. Геометрия, алгебра. Заело! Такие уж это науки, что в них никак не разберешься, если не будешь крепко продумывать да разбираться. Нового не поймешь и не запомнишь, коли старое в голове не лежит.

Пробовал Мишка и математику с налету брать — ан не тут-то было! Не выходит. А напредишься немного, подумать, да посидеть — терпения Мишкиного нет.

И решил Мишка, что нет у него к математике способностей. Нет, и все тут.

Еще пару минут пробует Мишка сосредоточиться на новой теореме, еще пару минут настойчиво ерошит волосы. Потом берет книгу за корешок, крутит ее над головой и швыряет в другой угол комнаты под диван.

— Мама! Пошамать чего есть?

Бились с ним все. И учитель и товарищи по группе, и форопост школьный — потому что Мишка Славин пионером был — и как не бились, поделывать ничего не могли.

Упирался Мишка:

— Нет у меня способностей математических.

И раз уверив себе в отсутствии этих способностей, спал на уроках геометрии и алгебры, а когда приходилось решать задачи, упорно тыкал кончиком пера в чистый тетрадный лист, не давая себе труда даже переписать условия.

Хуже всего было, что пока Мишка над математикой еще как-нибудь старался, не плохо шли у него дела с другими предметами, а как только на математику рукой махнул, так и по другим соскользнул: из первых рядов в последний.

Результат ясный.

Остался Мишка в седьмой группе на второй год.

Математика заела!

Перед каникулами летними устроил форопост по этому поводу собрание. И Мишка Славин на собрании упорно свое долбил:

— Нет у меня математических способностей и все тут.

Против такого заявления трудно было что-нибудь возразить, и если бы не Костька Миронов, не принял бы форопост никакого решения.

Костька Миронов целую речь сказал.

Главное в его речи вот что было:

— Насчет математических способностей —

вздор! Не в них дело. Ну положим еще, что Славин просто бы плохо по математике шел, а то ведь никак он не идет, вот что, ребята!

Ребята согласились, что Мишка по математике „никак не идет“.

— А это что значит? Значит, что нет у Мишки трудолюбия и настойчивости. Что ему с налету дается, то он берет, а над чем посидеть надо, на то его не хватает. Так, что-ли?

Даже сам Мишка против слов Костькиных не протестовал. Очень уже его удивило, как это Костька в самую, то-есть, точку попал. Именно так. Трудолюбия и настойчивости в нем, Мишке, и на грош нет.

Другие ребята вспомнили, что не только в учении, но и в работе отрядной и в играх сказывалось это Мишкино качество. Как что легко, так Мишка „всегда готов“. Как над чем потрудиться надо, к чему упорство и настойчивость приложить требуется — так бросает Мишка на половине.

— Верно, — выступали вслед за Колькой другие. — Нет у Мишки настойчивости и трудолюбия нет!

— А если так, — Костька решительный был парень, всегда рубил с плеча, — а если так, то какой-же Мишка пионер? В третьем обычае....

Мишка почувствовал, что скажет сейчас Костька такое, что лучше бы ему, Мишке, и не слышать.

— А если он обычаев наших не выполняет, то и быть ему пионером не след.

Ух! Все у Мишки внутри похолодело. Колени мелкой дрожью пошли.

Другие ребята вступились.

— Костька прав, — говорила секретарь форопоста, пионерка того отряда, в котором Мишка работал. — Но Костька сознаться должен, что тут и наша общая вина есть.

У Мишки от сердца отлегло. Даже голову поднял и улыбнулся.

— Есть наша вина, — поддержал кто-то секретаря. — Что-ж мы теперь только за дело взялись? Раньше надо было, в середине года.

— Правильно! — поддержали остальные. — Все мы виноваты!

— А поэтому, — продолжал секретарь, — предложение Костьки я считаю слишком крутым.

— Крутым! Крутым! Подхватили голоса.

А вожатый Мишкиного звена особо слово взял.

— По Костькиному делать не следует, — сказал он. — Исключить легко. А вот попытаться нам всем Мишке помочь — труднее. Это-то и должны мы сделать. Да при том,

хоть и не следовало Мишку в глаза хвалить, — пионер он не плохой.

— Не плохой, не плохой!

— Ленивый только.

— Что-нибудь другое придумать надо, — сказал секретарь.

Это другое придумал сам Мишка. Он встал, заметно волнуясь, и попросил слова.

— Прав Костька, — сказал он. — Только исключать меня подождите. Давайте так. За летний срок, чтобы подтянуться мне и осенью перезачеты сдать.

— Да ведь по всем предметам придется, — вставил кто-то.

— Знаю, что по всем.

— Да будешь-ли заниматься, летом-то?

— А вот тут мне и проверка. Если не буду, ну тогда....

Секретарь улыбнулся Мишке.

— Думаю ребята, что дело Мишка предлагает. Кто за?

Костька тоже за голосовал. За Костькой все — единогласно. Только поправку Костька внес:

— Передать постановление в отряд. И прибавить, что все это под отрядную ответственность.

— Правильно!

И вышло так, что Мишкино дело стало делом всего отряда.

II.

Был совет вожатых, потом отрядный сбор был.

Намечали план лагерной кампании — через три дня в лагерь на все лето шли. Много чего в плане было. И физкультура усиленная и смычка с деревней и сбор коллекций. И было в плане еще одно дело — перерачеты Мишки.

Внесение этого в план возражений не встретило.

— Пусть это наше коллективное дело будет, — говорил вожатый отряда.

— Пусть, пусть! — соглашались все.

Мишке задание дали. К следующему дню выработать точное расписание занятий с таким расчетом, чтобы перегрузки не было и чтобы отрядным делам не мешало. Трудная работа Мишке досталась. День сидел, да полночи еще захватил. Каждый день по часам расписал, каждому предмету место нашел; чиркал высчитывал, пока, наконец, наладил так, что на все время хватило. Принес план в отряд.

Прежде всего вместе со своим звеном обсудил. Ребята поправки сделали. Потом всем отрядом правили и, наконец, к самому отъезду, вышел план Мишкиных занятий, что надо.

Общую ответственность за проведение Мишкой плана на Мишкино звено возложили.

Кроме того постановили: план Мишкиных занятий крупно переписать и в лагере повесить. Чтобы каждый знал, в какой день и в какой час что Мишке делать полагается и чтобы каждый за работой Мишкиной следить мог.

Походный мешок Мишки распух от книг и резал его плечи. Тяжелые штуки книги. Мучая плечи, мучали они и мысли Мишкины сознанием того, что лагерный отдых наполовину уже не отдых. Иногда такое приходило в голову:

— Что если на все это дело плюнуть? На второй год, так на второй год! Зато лето мое. А там, смотришь, зимой перескочу какнибудь.

Но, к чести Мишки, такие мысли гнал от себя тотчас-же. Глянет вокруг себя, увидит ребят, которые добродушно улыбаясь, посматривают, как он то и дело поводит плечами и поправляет ремни— глянет и почувствует, что его летние занятия стали теперь общим, отрядным, делом и что никак нельзя махнуть на них рукой.

С первых-же дней в лагере выяснилось, что один Мишка заниматься не сможет. Все вылетело у него из головы и те жалкие обрывки знаний, которые в ней остались, не мог он связать в одно целое без чужой помощи. Снова поставили вопрос в звене, и на совете вожатых, и на сборе отряда.

Выбрали самых способных. Один по литературе, другой по обществоведению, третий по географии, четвертый по немецкому. На все предметы свои отрядные специалисты нашлись, а на математику целых двух к Мишке прикомандировали. И пошла учеба.

Вначале туго поддавался Мишка. Ворон считал, по сторонам глазел. Потом втянулся и уже сам, по своей воле, стал даже мертвый час для учебы отхватывать. Шло дело хорошо и Мишка вместе со всем отрядом торжествовал осеннюю победу.

В дождливые дни налегали сверх нормы, в хорошую погоду позволяли чуть-чуть распускаться. Понемногу Мишка сокращал часы учебы и больше принимал участия в играх. Все обещало полный успех и никаких неприятностей не предвиделось, если-бы...

Опять математика! Проклятая математика, чуть было не испортила все дело!

III.

Хорош летний день в июле! Особенно, когда есть возможность провести его на вольном воздухе у берега реки, в волнах которой и от жары отдохнешь и пыль, налетающую со стороны деревни, и в'едающуюся в открытую грудь и плечи смоешь. Слов нет — хорош!

В такой день не легко лежать под деревом и с помощью двух разморенных товарищей вычерчивать на клетчатой бумаге круги

и диаметры. В такой день каждый квадратный корень кажется таким сложным, что век решишь — не решишь!

Двое и Мишка приткнулись к самому стволу ветвистого дерева и стараются сжаться в такой маленький комочек, чтобы как раз уместиться в небольшом пространстве, отмеченном тенью зеленой кроны. От времени до времени то тот, то другой срываются с места и летят с размаха в реку, чтобы моментально выскочив, снова приняться за прерванные занятия.

— Ну, думай-же Мишка! Корень квадратный....

Мишка думает и пот крупными каплями стекает с его лба, заворачивает двумя крыльями по пыльным щекам и темными струйками стекает на тетрадь. Книга, захватанная пыльными и потными пальцами, лежит, прислоненная к горбатуму корню дерева и со страниц ее глядят на Мишку страшные трущобы непонятных задач.

— Ну? Не выходит?

— Ни как не выходит, — не то стонет не то зевает Мишка.

— Да что ты — дай я тебе покажу!

Добровольный учитель слегка путается, чиркает и перечеркивает ряды цифр, но все таки приходит к верному выводу.

— Видал, как просто?

— Просто, — соглашается Мишка, смахивая с носа набегающую каплю. — Просто!

— Повтори!

Мишка берет карандаш и, не глядя на тщательно прикрываемой рукой товарища решение, повторяет его от цифры до цифры.

— Вот!

— Верно. Как это у тебя, Мишка, выходит? Повторить ты можешь, а сам ни, ни!

— Память у меня хорошая, — оправдывается Мишка.

— Память? А ну-ка, старое помнишь?

Оба учителя на перебой задают Мишке вопросы и Мишка, краснея, молчит. С задачами на пройденное тоже ничего не выходит. Как не пыжится Мишка, как не муслит он огрызок карандаша, мертвые цифры задания не оживают под его рукой.

— Не могу, — тянет он молящим голосом. — Не могу!

Двое других смотрят на Мишку, смотрят друг на друга и пожимают плечами. Мишка говорит дрожащим голосом:

— Не справитесь вы со мной, вот что. Мне учителя надо настоящего.

— Учителя?

— Ну да, учителя. Чтоб об'яснил все, как следует, а то вы, что....

— Да мы-ж стараемся.

— Стараетесь, а не умеете. Вы помогаете больше, а об'ясняете плохо.

Двое задумываются. Задумывается и Мишка и не понять, пот или слезы катятся по его щекам.

Вечером вопрос стоит на обсуждении всего отряда.

Вожатый поддерживает Мишку.

— Что-ж, — говорит, он. — Кроме математики у Мишки все хорошо. Со всем остальным он и сам справляется. Учит, запоминает.

— Я его вчера спрашивал, — говорит тот, который приставлен к Мишке по части обществоведения. — Все, как есть, помнит. Толково помнит.

— И по-немецки то-же.

— И по географии.

— Видно, придется учителя ему достать, — решает кто-то.

— А откуда?

Некоторое время все думают, потом вожатый первого звена вносит свое предложение:

— А если местного? Деревенского? А?

Хор голосов приветствует эту мысль.

— Правильно!

— Иван Сидоровича!

— Он хороший!

Вожатый качает головой.

— Даром неудобно его, ребята. Платить надо.

— Чего так?

— Да очень просто. Сам он крестьянствует. Время сейчас такое. Сено убирать надо, а он сам двое с женой. А с Мишкой ему придется на неделю засесть, на крепко.

— На неделю, никак не раньше, — соглашаются Мишкины учителя.

— Ну, так вот. Как-же мы Иван Сидоровича оторвем? Неудобно.

— Да он согласится.

— Мало что согласится. Нам и просить не следует. Вот, если б...

— Откуда нам денег взять?

— Опять не в том дело. И было бы откуда, так нельзя ему денег предлагать, обидится.

— Фу, ты! И даром нельзя и за деньги нельзя.

— Пропало Мишкино дело!

— Надо найти выход.

— Найдешь, как не так!

— Говорю надо. Наше это дело. Отрядное. Сядет Мишка осенью, нам стыдно будет.

И опять думали всем отрядом, совещались по звеньям и все вместе и группами по два, по три.

Должен быть выход! И надо этот выход найти.

Вы думаете сто голов это плохо? Сто голов это сто умов, а сто умов все могут. Один человек запутался бы, пожалуй, в этом деле.

Вот, например, сам Мишка, хотя бы. Скис парень и даже занятия на три дня забросил. Без учителя, говорит, ничего не выйдет, а учителя как взять? И досаднее всего, что тут вот этот учитель — рядом.

На третий день выход был найден. То-ли вожатая третьего звена надумала, то-ли ребята из пятого нащупали, то-ли Сенька Скворцов мысль подал. Никто не мог сказать, кому первому в голову пришло, но только весь отряд, как-то сразу знал уже, что надо делать и как Мишке помочь и как добыть учителя.

Послали к Ивану Сидоровичу делегацию.

— Так мол и так, Иван Сидорович. Дело такое есть, что без вас не обойтись.

— Садитесь, гости будете.

Чаю попили, хлеба деревенского, пахнувшего полевом, по доброму ломтю уплели и к делу.

— Помочь одному парнишке надо. Перезачеты у него. Все осилил, а на математике отстал.

— Что-ж, гоните его ко мне.

— Только мы даром не хотим, Иван Сидорович.

— А я что, деньги что-ли с вас брать буду? Рассердился даже учитель.

— Деньги не деньги — денег у нас нет — а вот отработаем мы.

— Что?

— Сено вам убрать поможем, рожь све-
зем, или....

— Не выйдет дело, ребята. Это все равно,
что деньги. Нечего дурака валять. Шлите
Мишку вашего ко мне, и все тут.

Ребята заупрямились. Не согласны. Учи-
тель даже рукой по столу шлепнул:

— Как знаете, — говорит.

Так и разошлись — бы ни с чем, да учи-
тельница, жена Ивана Сидоровича, помогла.

— Ты говорит, Ваня, на них зря сер-
дишься? Правы, ребята.

— Так что-ж по твоему, мне их в батра-
ки нанимать?

— В батраки, не в батраки, а пусть отра-
бotaют.

— На моем поле? Да не за что!

— Зачем на поле, другое дело найдется.

— Какое?

— Школу выбелить надо — это раз. Стек-
ла кое-где вставить — два. Рамы починить —
три. Крыльцо, вон, на целую ступеньку село
— четыре.

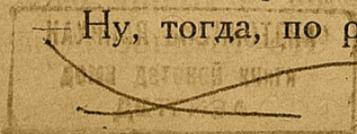
— Да не справятся.

— Чего нет? Работа пустяковая, мате-
риал есть.

У ребят глаза смеются, руки чешутся.

— Как не справимся! Справимся!

— Ну, тогда, по рукам!

IV.

Иван Сидорович то и дело из окна высывался.

— А нельзя-ли потише, ребята? Мешаете нам.

А Мишка ему свое:

— Пусть, Иван Сидорович. Как они застучат, так меня подгоняют словно.

И не врал—правду говорил. Как застрянет на задаче какой-нибудь, так от тетради оторвется—к окну подойдет—посмотрит. На дворе товарищи крыльцо ладят, рамы зимние из сарая вытащили—чинят, стекла по кусочкам склеивают. Кто-нибудь песню затынет. Увидят Мишку, кивнут ему—учись мол! Мы за тебя стараемся. И Мишка кивнет—учусь, ребята, учусь! Не подведу! И снова к тетради. И в голове светлей как-то становится и дело сразу вперед идет.

У ребят работа поет прямо. И рамы готовы и крыльцо починено и побелка кончена.

— Еще что есть?

— Парты покрасите, может?

— Покрасим!

За партами, двери, за дверьми забор; к концу Мишкиных занятий не узнать школу.

И Мишку не узнать. Реже и реже обращается он за помощью к учителю. Больше сам наводит и справляется. Словно перестроилась голова у него. Что трудное попа-

дется не бросит, как прежде, а досидит, до смысла добьется.

Форопост постановление вынес такое:

Задание полученное отрядом, в котором состоит Мишка, признать выполненным не на сто, а на триста процентов.

Во-первых потому, что блестяще Мишка зачеты сдал, а во-вторых потому, что старая развалившаяся школа Ивана Сидоровича такой стала, словно этим летом только и выстроили ее.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ“

Харьков, Пассаж 22.

Серия — Пионерская беллетристика.

- Рассказы пионеров „Дети революции“. 2 изд. Ц. 14 к.
И. Жуков—Путешествие звена „Красной Звезды“
в страну чудес. Цена 35 к.
Филио и Варич—Приключения Кима. Путешествие
по Африке. Цена 22 к.
Филио и Варич—Приключения Кима. Путешествие
по Азии. Цена 30 к.
Жаткин—Коллективная декламация. Сборник. Ц. 20 к.
М. Михайлов—Федька-Апчхи. Цена 20 к.
А. Фролов—105 верста. Цена 14 к.
А. Берг—Яшка. Цена 14 к.
Демьян Бедный—Стихи. Цена 11 к.
Л. Ларина—По разному. Цена 14 к.
М. Михайлов—20 лет назад. Цена 17 к.
Л. Ларина—Трое. Цена 17 к.
Дядя Левонтий—Пионер как он есть. Цена 16 к.
Т. Милевский—Русский пионер в Америке. Цена 15 к.
А. Иркутов—Рассказы о законах. Цена 21 к.
А. Иркутов—На острове. Цена 10 к.
Гамэн—О Тольке. Цена 10 к.
И. Жуков—Приключения пионеров в Египте. Ц. 27 к.
Будь готов—Пионерский песенник. Цена 4 к.
М. Горький—Братская помощь. Цена 4 коп.
Д. Лондон—Джонни забастовал. Цена 15 к.
Я. Ларри—О маленьких людях. Цена 27 к.

**Эти книги продаются во всех книжных
магазинах.**

Выписать книги можно из Издательства (Харьков,
Пассаж 22).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ“

Харьков, Пассаж 22.

Серия — Пионерский театр.

- С. Кремнев—Юные революционеры. 2 изд. Ц. 11 к.
- С. Кремнев и Вир—Дети Парижской Коммуны. Ц. 8 к.
- В. Александров—Ленинцы в раю. Цена 11 к.
- А. Иркутов—Будь Ленинцем. Цена 13 к.
- А. Иркутов—Святой Пионерий. Цена 12 к.
- А. Иркутов—Колька в плену. Цена 12 к.
- А. Иркутов—Дети Октября. Цена 15 к.
- А. Иркутов—Три фунта стерлингов. 2-е изд. Ц. 30 к.

Издательство „Юный Ленинец“ высылает книги на любую сумму по получении денег. При заказах на сумму от 3 руб. можно высылать 25⁰/₀ задатку. На остальную сумму будет сделан наложенный платеж (т.-е. остальные деньги уплачиваются по получении книг). Мелкие суммы (до 2 р.) можно высылать почтовыми марками. Пересылка за счет Издательства.

Заказы и деньги посылать по адресу: Харьков, Пассаж 22, Издательство „Юный Ленинец“. Заказы выполняются аккуратно и быстро.

Каталог Издательства высылается по требованию бесплатно.

Книги Издательства „Юный Ленинец“ продаются также во всех книжных магазинах.

Цена 10 коп.

80 =

№ 117

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
Харьнов, Пассаж 22,
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ“

2167